НЕМЕЗИДА

„Проф 49“

„Qand l' iniquité aurai couvert toute la terre, si la justicea pu se cacher à l'ombre d'un brin d'herbe, c'est assez pour qu'elle grandisse et parfume trois mondes.“

Edgar Quinet.

224547.

Книга Кеннана: „Сибирь и Ссылка“ такъ нетерпѣливо всѣми ожидаемая, наконецъ, вышла въ русскомъ переводѣ въ Парижѣ. Мощныя обличенья запрещонной прессы начинаютъ тяжеловѣсно подкрѣпляться иностранцемъ, передъ путешествіемъ въ Сибирь, предубѣжденнымъ противъ resolюціонеровъ,

Книга Кеннана — страшный судъ надъ нашей дагомейскою деспотіей. Самый прѣсный низкоподданный почувствуетъ стѣсненіе въ груди при ея чтеніи; самые безупречные Маниловы, если не сердцемъ, то головою, поймутъ терроръ, „Сибирь“ Кеннана — послѣдній кругъ Дантовскаго ада, гдѣ русское правительство, среди льдовъ и тьмы, грызетъ черепъ своего врага. Для будущаго историка революціонной борьбы

„Сибирь“ Кеннана станетъ, неизбѣжно, настольною книгою она — ключъ къ аду ; она озаряетъ его свѣточами Эвменидъ; благодаря зловѣщему свѣту, терроръ нашего времени и безпощадный — будущаго станетъ вполнѣ понятенъ.

Вышедшій первый выпускъ — только рѣзкій фонъ адской картины; это пока еще не фигуры во весь гигантскій ростъ, но обдающія могильнымъ холодомъ тѣни ; это не самыя муки, но только сильный намекъ на нихъ.

Желаемъ Кеннану, какъ можно скорѣе справиться съ раздирающимъ душу колосальнымъ матеріаломъ. Мы увѣрены что скорбная, кровавая лѣтопись, переведенная на всѣ языки, распространенная не только среди интеллигенціи, но и народныхъ массъ, произведетъ эффектъ потрясающій. Мы увидимъ не только тѣ сцены, которыя происходили въ Америкѣ, когда Кеннанъ, не довольствуясь огромнымъ распространеніемъ книги, объѣзжалъ всѣ большіе города и, при многолюдныхъ собраніяхъ, разворачивалъ картины нечеловѣческихъ мукъ, выпавшихъ на долю доблестныхъ людей Россіи Мы увидимъ en grand сцены, происходившія въ Марсели, послѣ извѣстія, что беременная Гельфманъ обречена, въ тюрьмѣ, пять мѣсяцевъ ожидать казни.*) Нашихъ посланни-

*)Извѣстный марсельскій медикъ передавалъ намъ, что по его личнымъ наблюденіямъ и товарищей-докторовъ это извѣстіе имѣло вліяніе на роды, они начали принимать очень дурной характеръ.

ковъ, консуловъ осадятъ въ ихъ жилищахъ, иностранныя правительства принуждены будутъ вышвырнуть представителей допотопной деспотіи; перестануть отвѣчать за ихъ жизнь.

Можно смѣло сказать, что Кеннанъ проволокъ порфироноснаго крота по всей Америкѣ, привязаннаго за ноги къ его побѣдной колесницѣ. Вся Америка плевала въ рожу державному уряднику Онъ ему, казнящему слово, показалъ, какая ворочающая горами сила заключена въ немъ. Мы получили нѣсколько писемъ изъ Америки, — насъ извѣщаютъ, что въ самыхъ глухихъ городишкахъ пасторы въ своихъ церковныхъ проповѣдяхъ превозносятъ самоотверженныхъ героевъ, русскихъ революціонеровъ и призываютъ небесныя кары на голову ихъ лютаго палача.

Всѣми уважаемый маститый сенаторъ, въ присутсвіи полнаго собранія заявилъ, что съ такимъ правительствомъ, какъ русское, можно говорить только бомбами.

Знаменитые дипломаты въ тысячу лѣтъ не связали бы такъ Россію съ Америкой, какъ это сдѣлалъ Кеннанъ маленькою книгою. Онъ неразрывно связалъ ихъ нервами.

Слава и честь правдивому, мужественному, талантливому американцу за его сердечную, пламенную, неутомимую защиту „нашихъ праведниковъ, святой вольности угодниковъ!“ Имя Кеннана не умретъ въ Россіи, оно тѣсно связано съ безсмертными мучениками, легендарными героями.

Со слезами умиленья мы прочли его отзывъ о „святотатственныхъ злодѣяхъ, извергахъ“, которыхъ попы проклина-

ютъ въ церквахъ и мракобѣсцы — въ лакейскихъ газетишкахъ, которыхъ терзаютъ въ тюрьмахъ, вѣшаютъ белъ суда, хоронятъ въ затерянныхъ въ снѣжной пустынѣ улусахъ.

„То что я видѣлъ и узналъ въ Сибири, затронуло самыя затаенныя струны моего сердца, открыло мнѣ цѣлый міръ новыхъ ощущеній, очистило и возвысило мои нравственныя понятія. Я познакомился тамъ съ характерами, воистину героическими, съ типами, столь же великими, какъ самые великіе, какіе только извѣстны намъ въ исторіи человѣчества. Я встрѣтилъ тамъ людей мужественныхъ и сильныхъ, съ изумительной преданностью, до гибели, своимъ убѣжденіямъ, съ безконечною готовностью и способностью къ жертвѣ... Вы не можете представить себѣ, какое дѣйствіе имѣло для меня знакомство съ этими людьми. Вы знаете, что я ѣхалъ въ Сибирь, сильно предубѣжденный противъ политическихъ ссыльныхъ; а уѣзжая, я разставался съ ними съ глазами полными слезъ, цѣлуя и сжимая ихъ въ своихъ объятіяхъ... Вы поймете, конечно, что нужны были необыкновенныя условія, чтобы вызвать во мнѣ такую перемѣну.“

Выслушивая разсказы жертвъ о томъ, какъ пришли онѣ къ террору, видя на каждомъ шагу, богатую, сильную жизнь, въ конецъ разбитую произволомъ, онъ не разъ сжималъ въ гнѣвѣ кулаки, не могъ сдерживать нахлынувшихъ, горячихъ слезъ.

Разсказавъ исторію одной страдалицы, онъ прибавляетъ:

„Если бы читатель выслушалъ эту трагическую исторію изъ устъ очевидцевъ, которые изо дня въ день наблюдали

эту медленную смерть, онъ пересталъ бы удивляться тому, что подобные факты порождаютъ террористовъ; онъ удивился бы, какъ вся страна; въ которой продѣлываются такія вещи, не обращается къ террору!“

Исторію Волховскаго онъ заканчиваетъ словами:

„Царь можетъ убѣлять сѣдинами головы такихъ людей, какъ Волховскій; онъ можетъ замуровывать ихъ въ казематахъ крѣпости, или посылать въ арестанскихъ халатахъ въ Сибирь. Но прійдетъ время, когда ихъ имена. а не его, будутъ отмѣчены на страницахъ исторіи, и когда память о ихъ страданіяхъ и жизни будетъ служить источникомъ героическихъ внушеній для всѣхъ русскихъ, любящихъ свободу и свою страну.“

Встрѣтивъ двухъ дѣвушекъ „ почти дѣтей“ въ Сибирской пустынѣ, онъ бросаетъ въ лицо гатчинскаго трусишки облитый горечью сарказмъ:

„Если бы я былъ царемъ, — сказалъ я Фросту, — съ арміей солдатъ и полиціей за спиною, и если бы тѣмъ не менѣе я не могъ спокойно спать изъ страха передъ этими робкими дѣвочками, пока онѣ не высланы куда - нибудь за тысячи миль, — я отказался бы отъ престола въ пользу кого нибудь болѣе сильнаго и менѣе трусливаго.

Мысль, что могущественное русское правительство не можетъ защитить себя отъ гимназистокъ, не вырвавъ ихъ изъ семьи и не бросивъ въ далекую азіатскую пустыню, — казалась мнѣ просто нелѣпостью.“

Онъ, человѣкъ закаленный, съ желѣзною волею, непобѣдимою энергіей, сознается, что безконечно длинный рядъ ужасающихъ картинъ, совершенно обезсилилъ его, изболѣлась душа, изныли нервы.

Многіе становятся въ тупикъ передъ „богатыремъ протопопомъ“ Аввакумомъ, передъ способностью выносить сказочныя муки за святыню убѣжденій. Если взять въ разсчетъ ту разницу въ кожной чувствительности и нервной какая существуетъ между человѣкомъ XVII в и конца XIX, я нахожу, что „протопопъ богатырь“ не только б ѣднѣетъ передъ нашими мужчинами, — революціонерами. но даже передъ слабыми дѣвушками. Прочтите только первую книгу Кеннана, и вы ясно убѣдитесь, что я не преувеличиваю.

Но не одинъ Кеннанъ выступаетъ горячимъ защитникомъ нашихъ революціонеровъ. Мы пользуемся случаемъ, чтобы указать на голландскаго, очень талантливаго публициста и ученаго: Van der Meij. Въ цѣломъ рядѣ великолѣпныхъ статей онъ разъяснилъ своей странѣ титаническую борьбу : ная русскій языкъ, онъ черпалъ свѣденія изъ вѣрныхъ источниковъ. Очень жаль, что эти статьи до настоящей минуты не переведены на русскій языкъ.

II

Революціонная литература начинаетъ представлять огромный матеріялъ для историка ; не смотря на вскрыванія писемъ, инквизиціонные осмотры квартиръ, ярыя преслѣдованія,

она давно проникаетъ всюду; одна книжка прочитывается сотнями людей, тщательно переписывается, и нѣтъ с мнѣнія, что всѣ усилія остановить пропаганду приведутъ, какъ и всегда бывало, къ еще большему распространенію.

Что будетъ, когда послѣ послѣдняго удара, всѣ сказочные ужасы, невѣроятныя, правительственныя преступленія предстанутъ передъ всенародныя очи, и всего болѣе гонимыя сочиненія распространятся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ?.. Мемуары, дневники въ Россіи ведутся сотнями людей. Въ тайной полиціи, крѣпостяхъ, на каторгѣ, въ ссыльныхъ городахъ, въ глухихъ провинціяхъ есть люди, неустанно заносящіе въ журналы всѣ возмущающія душу. правительственныя звѣрства, всѣ волнующіе общество слухи. Многіе изъ медленно умирающихъ по тюрьмамъ и въ ссылкѣ, нѣтъ сомнѣнія, не забудутъ все пережитое и призовутъ къ общественному суду своихъ истязателей.

О, тупыя, дикія чудища! въ концѣ XIX вѣка вы осмѣливаетесь мечтать задушить свободную мысль, забить кляпомъ ротъ стомилліонной странѣ! Во времена оно, когда не было телеграфа, желѣзныхъ дорогъ, газетъ, журналовъ, когда грамотный человѣкъ былъ феноменъ, и письмо — событіе, вѣсть объ убіеніи Петра III нѣжною Фелицею молніей облетѣла всю Россію. Разбои, грабежи, неистовства любовниковъ Екатерины были извѣстны всей Россіи. Разносящихъ превратные слухи били батогами, пороли нещадно плетьми; у самыхъ смѣлыхъ пропагандистовъ вырывали языки, и не смотря на всю вну-

шительность мѣръ, слухи принимали все болѣе и болѣе грозные размѣры, и самый ядовитый изъ нихъ воплотился въ Пугачовѣ.

У Пугачова писалъ манифесты одинъ Шванович, и не смотря на это, вѣрноподданническая Москва, съ лихорадочнымъ трепетомъ, ожидала Пугачова, какъ избавителя.

Если бы царская фамилія, вѣрнѣе—сословіе Романовыхъ и окружающіе Гатчинца свирѣпые идіоты на одинъ мигъ могли бы заглянуть въ кровавое будущее, они давно собственными руками задушили бы Алек III. Благо имъ, если они погибнутъ при первомъ рев люціонномъ взрывѣ, иначе ихъ и ихъ дѣтей запытаютъ милліонами булавочныхъ уколовъ; они станутъ пугалами, позорищемъ; ихъ будутъ кормить пощечинами, встрѣчать на улицѣ каменьями; проклятыя имена и дѣянья станутъ всѣмъ извѣстны, и, какъ всегда бываетъ, дѣти понесутъ на себя грѣхи отцовъ. Алек III подводитъ подъ ножъ, бомбы, висѣлицы тысячи людей.

Наша банда до такой степени стоитъ въ разрѣзъ со всею чувствующею, мыслящею Россіей, ея заплечные мастера до того не по нервамъ современной Россіи, что мои мрачныя пророчества, вѣрнѣ евсего, окажутся мягче дѣйствительности.

Замученные праведники дѣлаютъ и продолжаютъ дѣлать исторію. Это мертвецы рушили троны и государства, давали упругость стали новымъ ученіямъ. Кровь, пролитая на римскихъ аренахъ и легенда Голгоѳы, были тѣмъ связующимъ

цементомъ, благодаря которому христіанство сохранилось до нашего времени; изъ казненнаго праха вѣчно выходили мстители.

На нашихъ глазахъ трупомъ Бодена, Викторъ Гюго, Рошфоръ, Гамбетта доканывали Наполеона III.

Но нигдѣ иронія исторіи не выступала такъ величественно мрачно, какъ въ Россіи. Доведенный до отчаянья крѣпостнымъ палачествомъ, черною неправдою въ судахъ, народъ выдвигалъ во время возстаній мертвецовъ, ими казнилъ бездушныхъ властителей.

Мертвецъ Дмитрій раздавливаетъ Бориса Годунова; это его мертвыя уста замыкаютъ драму крикомъ: „вязать Борисова щенка.“ Когда у Шереметева давалась поучительная драма, не сжалось ли сердце у присутствовавшихъ Романовыхъ при этомъ роковомъ крикѣ?

Мертвецъ Петръ III чуть не стаскиваетъ корону съ коронованной Барковщины. Народная Немезида предстала въ лицѣ предательски убитаго мужа; она дарила своимъ Альфонсамъ русскую землю и русскихъ людей, Пугачевъ отбиралъ. Ничего ужаснѣе не могъ бы придумать самъ геній иронiи и сарказма... Ни одинъ нашъ вымазанный святымъ масломъ людоѣдъ не ускользнулъ отъ карающей десницы исторической Немезиды. Это святые мертвецы превратили въ лохмотья Алек II и тѣ же святые мертвецы съ грязью смѣшаютъ кровь Алек III и всей семьи Романовыхъ. Это изъ ихъ мертвыхъ устъ скоро раздастся повелительный крикъ: „вязать Романовыхъ щенковъ!“

Тупыя чудовищи, на волосъ не зная своей и всебщей исторіи, обманутыя прохвостническою, жандармскою прессою, мусульманскими адресами изъ подъ ножа, корыстнымъ лакействомъ и отвратительной лестью, вы думаете спастись, уйти отъ пожатія руки каменнаго командора! Васъ обложили пылающими угольями, а вы, наивные птенцы, вопите: „Мы побѣждаемъ, мы побѣждаемъ!“ Десятки лѣтъ накопляются всеобщія ненависть и презрѣніе. Рядомъ съ раболѣпною ложью невѣдомыя вамъ руки пишутъ настоящую вашу исторію, и невидимые вамъ заступы роютъ вамъ глубокую могилу.

Чѣмъ дольше было терпѣніе, тѣмъ дольше будетъ месть; чѣмъ долѣе будетъ сгнетаться общественный гнѣвъ, тѣмъ страшнѣе будетъ взрывъ.

III

Новый матеріялъ посланъ Кеннану. — Недавно всѣ европейскія газеты возвѣстили, во всѣхъ подробностяхъ, о живодерствахъ въ Якутскѣ. Особенно рѣзкія статьи появились въ англійскихъ, италіянскихъ, испанскихъ газетахъ. Курсъ нашихъ фальшивыхъ бумажонокъ началъ падать съ ошеломляющею быстротою. Самая распространенная въ Италіи газета „Il Secolo“ представила сцену избіенія въ картинѣ, на первой страницѣ, воскреснаго номера. На дняхъ вышла бро-

шюра: „Убійство политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ 22 Марта“, передающая все событіе въ мельчайшихъ подробностяхъ. Совѣтуемъ интересующимся революціонною борьбою пріобрѣсти эту брошюру и провести ее въ Россію. Ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ, по приказанію сибирскаго палача Осташкина, избивали съ волчьимъ остервенѣніемъ; выворачивали штыками внутренности не однимъ мужчинамъ, ихъ вывернули, бросившейся на помощь къ умирающему жениху, дѣвушкѣ. Бернштейнъ съ ранами въ животѣ былъ принесенъ въ судъ на носилкахъ; на тѣхъ же носилкахъ его отнесли на висѣлицу и надѣвъ петлю на истерзаннаго, выдернули носилки. Заплечные мастера приговорили троихъ безъ суда, къ висѣлицѣ и двадцать пять къ каторгѣ. Братъ знаменитаго лжеца, интригана, пустомели, творца сенгябрскихъ указовъ, утвердилъ приговоръ, — онъ поспѣшилъ, въ виду повышенія и наградъ, блеснуть вѣрноподданическимъ звѣрствомъ.

Чего же лучшаго можно было ожидать отъ Игнатьевской породы, этой смѣси Кречинскаго, Ноздрева и Молчалина?!. Кеннанъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, мѣтко охарактеризировалъ этого нелѣпаго помпадура.

Приговоренные къ смерти могли видѣть изъ оконъ тюрьмы строющуюся висѣлицу. Передаемъ, безъ комментарій, само за себя страшно говорящее, письмо Льва Бернштейна-написанное за нѣсколько часовъ до смерти.

.... „Простимтесь заочно, дорогіе друзья и товарищи, и пусть послѣднее наше прощаніе будетъ озарено надеждою на лучшее будущее нашей бѣдной, бѣдной родины! Никогда ни одна капля силы не пропадала въ мірѣ. — Не пропадетъ, стало быть, и жизнь человѣческая задаромъ! Никогда не надо горевать о ней. Оставьте мертвыхъ мертвецамъ, — у васъ впереди живая связь, нравственная, горячая и самая возвышенная съ вашей изстрадавшейся родиной! Не говорите, и не думайте, что ваша жизнь пропала, что она вся пройдетъ въ напрасныхъ страданіяхъ и мученіяхъ на каторгѣ и въ ссылкѣ. Страдать муками своей родины, быть живымъ укоромъ всѣмъ изчадіямъ мрака и зла — это великое дѣло! Пусть это будетъ вашей послѣдней службой — не бѣда. Вы принесли свою ленту на алтарь борьбы за народную волю. А кто знаетъ ,быть можетъ, вамъ удастся увидѣть и лучшіе дни. Быть можетъ, вы доживете до той счастливой минуты, когда освобожденная родина встрѣтитъ своихъ вѣрныхъ, любящихъ дѣтей съ открытыми объятіями и вмѣстѣ съ ними отпразднуетъ великій праздникъ свободы. Тогда, друзья, помяните Вы и насъ добрымъ словомъ, и это будетъ лучшей, величайшей наградой за всѣ наши испытанія. Да не покинетъ васъ никогда эта великая надежда также, какъ она не покинетъ меня и на самомъ эшафотѣ. Цѣлую васъ крѣпко, горячо отъ всей моей любящей души.“

Но выворачиваніе внутренностей у дѣвушки и вѣшаніе полумертвецовъ оказывается не на сытили „безпредѣльно обо-

жаемую“ кроатско-казацкую скотину. На дняхъ получилось еще болѣе невѣроятное, чудовищное извѣстіе: политическую ссыльную дѣвушку, публично, истязали розгами, послѣ безконечнаго позора, она отравилась. *)

Тебя морозъ деретъ по кожѣ, читатель! Передъ глазами мелькаютъ красныя пятна! Но успокойся, ты, навѣрное, уже давно прочелъ о голубиныхъ яичкахъ, исправленныхъ въ Цюрихѣ; помни, онѣ въ двадцать разъ менѣе бомбъ Кибальчича и въ двадцать разъ страшнѣе ихъ, по своей разрушительной силѣ! Россія еще не умерла!!...

Проклятая банда пытателей, наконецъ, поняла, что развязка близится Она послала приказъ, какъ можно скорѣе доканывать политическихъ жертвъ, которыя въ самой Сибири, умудрились взлелѣять Немезиду, въ лицѣ Кеннана; каторжная, жадная сволочь спѣшитъ, напослѣдокъ, разжиться на ихъ трупахъ; украситься чинами и орденами цѣною праведной крови. Желаемъ отъ души, чтобы кара не тотчасъ обрушилась на сибирскаго Фролку; пусть капельку поживетъ жизнію Гатчинца, потаскаетъ на плечахъ свое преступленіе, и когда оно свею тяжестью пригнетъ его къ землѣ, только тогда пусть раздавятъ ногою мерзкую гадину!

---

*)Подробностей неслыханнаго истязанія и послѣдовавшихъ за нимъ поголовныхъ самоубійствъ начниаютъ появляться во всѣхъ иностранныхъ газетахъ. Въ Италіи, Англіи, Америкѣ начинаютъ устраиватъся народныя сходки О генерал. губернаторѣ Корфѣ мы откладываемъ до слѣдующей статьи.

Давно уже революціонеры получили копію съ приказа Галкина-Врасскаго, повѣлевающего истязать политическихъ мучениковъ розгами; на Сахалинѣ — двое были подвергнуты пыткѣ. Послѣднее и самое мучительное издѣваніе надъ не. счастными осталось до настоящей минуты ненаказаннымъ. Разбойничья шайка думая, что месть за горами, пустила въ ходъ Осташкиныхъ. Выстрѣлъ Вѣры Засуличъ ошеломилъ не только весь цивилизованный міръ, но даже и наше пещерное правительство, — впродолженіи десяти лѣтъ, оно не осмѣливалось подумать о бичеваніяхъ.

Не трудно предсказать, что мы вступаемъ въ тотъ фазисъ террористической борьбы, передъ которымъ терроръ, увѣнчавшійся первымъ Мартомъ, покажется „пѣснею безгрѣшныхъ духовъ“. Не трудно предсказать, что удары падутъ на голову не одного Алек III — списокъ злодѣевъ обреченныхъ казни, по слухамъ, дорось до очень солидныхъ размѣровъ.

Несчастная, замученная, опозоренная, безгласная Россія, точи въ тиши ножъ, накопляй ненасытную, праведную месть! Запоминай хорошенько всѣхъ „умывающихъ руки въ крови,“ старайся имъ отрѣзать всѣ выходы къ спасенію, и когда пробьетъ часъ, рази безъ пощады! Помни, что избивая гадовъ, не дающихъ дышать Россіи, сѣющихъ всюду рабство, предательство, разбой, гр бежъ. мракобѣсіе, ты спасаешь стомилліонную, прекрасную страну, драгоцѣнную жизнь будущихъ

поколѣній! Помни завѣтныя, полныя глубочайшаго смысла слова: „въ отношеніи тирановъ всякая жестокость гуманна и всякое состраданье безчеловѣчно.“

П. АЛИСОВЪ

Февраль
90

